

СЕРГЕЙ
ЖИЛИН

НЕДЕЛЯ:
ИСТОРИИ
Данкелбурга

Сергей Жилин

Неделя: истории Данкелбурга

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Жилин С.

Неделя: истории Данкелбурга / С. Жилин — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

За неделю может произойти многое, особенно если наступило время таинственной и пугающей Недели Долгой Ночи. Она опустилась на город Данкелбург одновременно с первым снегом. Сам город давно находится во власти противоборствующих криминальных группировок, которые делят сферы влияния, не очень-то обращая внимания на полицию. Другой силой, контролирующей город, является мистическая сила темноты, проявляющаяся в совершенно непредсказуемых формах. Она слепа, дика и неодолима... За неделю в Данкелбурге протекают моменты из жизни самых разных людей. Каждый день описывается отдельной новеллой, которые объединены единой историей. Добро пожаловать в Данкелбург!

© Жилин С.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Сергей Жилин

Неделя: истории Данкелбурга

Воскресенье, 22:59

Я никогда не любила Данкелбург. Его небоскрёбы давят на меня, его запахи удушают, а жители угнетают. Этот город слишком бесцветный и блёклый, чтобы быть достойным меня.

Я родилась в этом гадюшнике и с рождения вляпалась, утонула по колёно – не выбраться. Сколько раз я собиралась покинуть Данкелбург, собрать вещи и убраться подальше. Но что-то постоянно мешает: я уже добираюсь до вокзала, отстаиваю очередь, подхожу к кассе... и тут мою руку отдёргивает, и я возвращаюсь в свой дом на Маркстрабе.

Возможно, меня не отпускает сам город, полюбивший пить мою кровь и не собирающийся отпускать на волю ценного донора. Я в это не верю. Возможно ещё, меня держит здесь воля Небожителя, глаза которого вспыхивают в небе по ночам и теряются среди звёзд. Это таинственное создание, в которого некоторые верят с суеверным страхом, следит за Данкелбургом неустанно. Некоторые считают его чем-то вроде божества. Но я в него тоже не верю...

Что же тогда? Что за чертовщина не позволяет оставить это проклятое место?

Что меня здесь держит? Родители? Мой отец был редкостным выпивохой и бабником, каждую ночь отправляющимся на поиски дешёвых потаскух, которых можно и поймать, и ударить, и облевать с ног до головы. Мой отец пользовался лишь теми суками, которые давно продали душу и чувство собственного достоинства. Просто они самые дешёвые. Отец меня не любил и замечал лишь тогда, когда решал, что его малолетняя дочь вполне сойдёт за одну из его любимых шлюшек!

Мать его терпела... Тупая дура! Она содержала это отвратительное, похотливое животное, вкалывая на швейной фабрике с утра до ночи. Она покорно сносила и измены, и побои, и унижения, лишь бы быть с этим ничтожеством! Ей я была так же не нужна, как и отцу: она не раз говорила мне, что хотела сделать аборт...

Любить этих людей? Нет! Я сослала обоих в дом престарелых, что на окраине, ещё пять лет назад. Вроде как, отец уже умер – приходило письмо, но я не помню точно содержания. Мне плевать на этих червей, потому что это взаимно.

Что ещё? Молодой человек? Нет... В мои двадцать пять у меня было уже семь ухажёров, но все они оказались редкостными козлами! Иногда мне кажется, что иных мужчин в Данкелбурге и не водится – в эту дыру сползается сплошное отребье.

С последним вырождаком я рассталась два месяца назад: он нашёл себе пустоголовую куколку с длинными ноготками и вьющимися волосами. Он любил блондинок. Он любил тех блондинок, что готовы ползать в ногах своего покровителя, не утруждая мозг работой. Со мной же, сильной, уверенной и умной брюнеткой ему было просто страшно. Закомплексованный, мелкий неудачник! Рохля! Идиот! Как можно быть таким глупцом, чтобы отказаться от такого сокровища, как я!

И всё же, я чрезмерно мстительна... Подогнать его новенький чёрный автомобиль к реке, снять с ручника, посмотреть, как он катится к воде и тонет в холодных глубинах было правильным, а вот сжигать его загородный дом – лишним.

Хотя я жалею.

Единственное, что может держать меня в этом гадюшнике, это моя работа! Её я люблю, потому что она приносит мне деньги! Много денег, которые я могу тратить на всё, что пожелаю! А желаю я многого! Такие, как я, того и заслуживают!

Долго работы не было... Я, по сути, была содержанкой у своих парней, жила за счёт их тугих кошельков и бездумного желания обеспечивать меня. Моя природная красота заставляла их терять голову и подчиняться моим правилам.

Но однажды это закончилось...

Меня встретил Рафаэль. Приютил и сделал помощницей в своём нечистом деле. Сперва я думала, что он запал на меня, как все эти кобели, но он оказался радикально настроенным холостяком и женоненавистником. Думаю, всему причиной была импотенция...

Так или иначе, я стала его правой рукой. Рафаэль дал мне возможность быть независимой, обеспеченной и влиятельной. Он дал настоящую работу, а вместе с ней и вкус к жизни. Я только устала смаковать этот скучный город, как Рафаэль наполнил его красками, ароматами и эмоциями! Он дал мне будущее, но, кажется, навсегда приковал цепями к Данкелбургу.

Как сейчас помню нашу первую встречу: высокий немолодой уже мужчина с толстенной сигарой в золотых зубах подсел ко мне в летнем кафе. Он заговорил о новой пластинке Патрика Нигельмана, о погоде, о моде... Я сразу почувствовала, что он чем-то отличается от прочих мужчин Данкелбурга.

Рафаэль был особенным! Когда он предложил поработать на него, я не смогла отказать.

Он привёл меня к себе в подвальчик. Я знала, что обнаружу там что-то необычное, возможно, даже незаконное... И не ошиблась – Рафаэль был продавцом оружия.

Никогда не думала, что меня так интересуют пушки, стволы и взрывчатка. Но тогда меня затащило с головой! Уже через месяц я отлично ориентировалась в незаконном товаре, заказчиках и поставщиках, могла договориться с кем угодно... Через три месяца меня стали уважать так же, как и Рафаэля. Меня стали называть Джоди, Королевой Винтовок!

Бизнес прост: эмигранты-дриджи неведомыми путями доставляли оружие в обход всем таможням, мы с Рафаэлем скупали его по дешёвке и перепродавали втридорога заказчикам из Данкелбурга и соседних городов.

Одна коробка патронов – это новые фирменные духи, автомат с набором обоев – дорогое платье и шляпка с павлиньим пером, крупная партия разнообразных пушек – это блестящий спортивный автомобиль! Звучит просто великолепно!

И это не мои мечты – это моя реальность! Моя жизнь! Мои мечты уже сбылись!

Моя жизнь, полная богатства и роскоши, заслужена. Только такую свою судьбу я рискну назвать справедливой.

Рафаэль часто говорил, что мечтать нужно дальше – нельзя останавливаться, нельзя прекращать желать большего. А чего ещё можно желать, когда в твоей жизни есть всё?

Если бы ещё не этот город...

Я стою в тени на первом этаже недостроенного здания. Теперь финансировать строительство никто не собирается, и возведение небоскрёба никогда не будет закончено. Ночь. Одинадцать вечера. Заказчики придут ровно через пятнадцать минут. Я не в первый раз связываюсь с этими людьми и знаю их пунктуальность.

Сигарета в мундштуке источает тонкое облако табачного дыма, плывущего вертикально вверх, где растворяется и исчезает. Красный уголёк на конце дорогой тонкой сигаретки – единственное, что можно разглядеть в этом мраке.

Ни одного газового, не то что электрического фонаря в радиусе километра нет. Здесь очень темно. И так будет ещё целую неделю. Остался всего час до наступления Недели Долгой Ночи.

Романтики этого города испокон веков слагают стихи и песни о Неделе Долгой Ночи, а учёные так и не могут разгадать этот феномен. Неделя – это странная, мистическая аномалия. Во время, когда осень сменяется зимой, наступают ровно семь дней, в ходе которых солнце не поднимается на небосвод и в бесконечной вышине царит серебристая луна. Целая неделя ночи, целая неделя бесконечно-долгой ночи...

Как это завораживает! Меня приводит в восторг это время, когда можно смешаться с тьмой, раствориться в чернильном городе, укрыться в тени, спрятаться от глаз любопытных.

Странно, оказывается, меня больше всего интересуют не чёрные вечерние платья, не жемчужные ожерелья и не белые головные платки...

Перестать стыдиться этой мысли я так и не научилась...

Где-то в глубине здания закопошились дриджи-носильщики. Безносые создания становятся неспособны ждать. Глупые твари – ненавижу их! Бестолковые уродцы вечно путаются под ногами, не понимают элементарных вещей, страдают жутким тупоумием. Зато коротышкам можно почти не платить денег за труды: уродцы согласны выполнять грязную работу за пару монет. Взрывчатку для заказчиков они таскают сноровисто...

Ну да бог с ними.

На моих туфельках скопилось немало пыли – чёрная кожа посерела. Ничего не поделаешь – продать оружие так, чтобы не привлечь к себе внимания полисменов, нужно в тихих, заброшенных и пыльных местах, как, например, в недостроенных небоскрёбах.

Я сделала затяжку – сладостный дым с лаской погладил по лёгким, по нёбу и языку. Никогда не могу бросить, да и как бросишь эти чудесные сигареты?

Десять минут. Примерно в это время происходит смена уличных патрулей, и у городской погони есть около получаса, чтобы выползти из нор и состряпать нечистые делишки. Десять минут двенадцати – время наркоторговцев и проституток... Их гнилые персоны переполняют Данкелбург...

Я знаю, что другие города ничуть не лучше, но эту мусорную кучу я просто ненавижу.

Решено! Завтра с утра уезжаю!

Рафаэль умер неожиданно. Он не колот себе никакой дряни, курил не так много и не собирал заразу у доступных девок по причине своей импотенции. Он просто слёг с болью в сердце и умер от инфаркта. Мне было жаль его, мне было жаль этого человека.

Но я совершенно не собиралась плакать. Слёз по Рафаэлю не было...

Я похоронила его тайно. Приказала дриджам положить его в ящик и засыпать патронами. Потом карлики отвезли Рафаэля к реке и утопили. Рафаэль так любил воду. Из всех смертей он был согласен только на утопление – не случилось...

Станные же создания, эти мужчины. Стоит их приборам прийти в неспособность, как они начинают любить всё, что угодно, кроме женщин... Рафаэль много чего любил. Также он любил птиц, особенно голубей, он любил туман и Патрика Нигельмана, чьи пластинки играли в его кабинете круглые сутки. Булькающий и хрипящий граммофон старательно воспроизводил саксофон Патрика и до дыр царапал иглой виниловые дорожки. Рафаэль всё слушал и не мог насладиться джазовыми мелодиями вдоволь.

Он не стеснялся жить легко и красиво.

Жаль, что его не стало...

Оставшись одна, я взяла все заботы с поставкой оружия требовательным заказчиком. Первое время было трудно, очень трудно. Но я справилась. Теперь справляюсь без Рафаэля.

Жаль, что его не стало...

По щеке вдруг скатилась слеза. Но это не я дала слабинку, мне не стало больно от потери Рафаэля. Просто мощный порыв ветра выдавил крупную слезинку из глаза. Я не стану оплакивать того, кто подарил мне билет в жизнь роскоши и независимости. Этот город сделал меня циничной, жёсткой и немного чёрствой...

Другой я бы не выжила в Данкелбурге. Другой я бы не добилась того, что имею сейчас. Этот город похож на аквариум с пираньями, так что выжить здесь можно только двумя способами: затаиться в углу или обзавестись зубами.

Но не прошло ни дня, чтобы я ни задала себе вопроса: любила ли я Рафаэля?

Вопрос не из лёгких...

Вдалеке слышалось деловитое гудение автомобиля – заказчики едут. На часах одиннадцать часов и четырнадцать минут. Похоже, сегодня эти ребята тоже приедут вовремя. Обожаю, когда с людьми можно нормально работать. Когда не начинаются эти глупости с изменением договора, с попыткой сбить цену и тому подобным.

Как и всякая женщина, я ненавижу даже малейшие трудности.

Этим ребятам нужен динамит, много динамита! Таким количеством можно взорвать небольшой дом! Понятия не имею, зачем им такое количество.

В рай или ад отправится немало жизней. Каждый реализованный товар забирает с собой виноватых и невинных. Я торгую не просто оружием, я торгую массой смертей. Однако такое иллюзорное и фантомное понятие, как совесть вовсе меня не мучает. Мне просто безразлично.

Если думать о такой ерунде, совсем не останется времени на действительно важные вещи. Государство, которое должно быть примером нравственности и порядочности, продаёт в сотни тысяч раз больше оружия, чем я...

А в Данкелбурге так много всякой мрази, что неплохо бы, чтобы кто-то поубивал часть из них...

Какая же я мелочная и мстительная стерва! Порой сама удивляюсь, сколь же глубоки мои пороки!

Вот опять потянуло философствовать на пустом месте. Ещё одна вредная привычка, которых у меня, как у новогодней ели игрушек и гирлянд.

Тёмно-серый автомобиль с горбатой крышей замедлил ход и свернул на строительную площадку. Круглые фары рубанули лучами темноту, осветили моё лицо и уткнулись в стену. Подпрыгивая на неровностях, автомобиль неторопливо пополз в мою сторону. Одиннадцать пятнадцать. Вовремя...

– Эй вы там! – крикнула я на ленивых дриджей, которые палец о палец не ударят, пока на них не наорёшь, – Несите товар!

Из соседней комнаты, крихтя, вышли двое носильщиков, тащащих тяжеленный ящик с динамитом. Ящик сильно раскачивается и грозит вывалиться из рук криволапых дриджей, что вполне может привести к взрыву и моей скорой кончине.

– Поаккуратнее с ящиком! – рыкнула я на уродцев, вытряхнула сигарету из мундштука и прибрала тот в небольшую чёрную сумочку.

Один из дриджей глупо уставился на меня, неторопливо переварил услышанное и кивнул ушастью башкой. После этого коротышки понесли ящик осторожнее.

На новом месте ни за что не стану связываться с дриджами...

Когда ушастые догнали меня, я двинулась навстречу прибывшим, шествуя впереди носильщиков. Высокие каблуки гулко оглашают пустые кирпичные коридоры и комнаты. Мои бедные туфли... Хорошо ещё, что я обула самые ненавистные: их мне подарил бывший. Сделать бы то же самое со всеми его подарками! Кроме, разве что, золотого кольца, которое так идёт к моим чёрным нарядам...

Водитель заглушил мотор, фары погасли, и вновь стало очень темно. Нежная холодная темнота...

В накинувшемся с новой силой мраке я услышала четыре хлопка дверьми – заказчики выбрались из шикарного «Вальнета» 300. Приглядевшись, я увидела четыре фигуры, столпившиеся вокруг авто. Все мужчины. В криминальном мире не так много женщин, не считая ничтожных девок, которых парни водят с собой «на дела»...

Я одна из тех немногих, которая чего-то добилась в Данкелбурге.

Мне почему-то всегда кажется, что в этом городе даже младенцы плачут чаще и громче...

Ненавижу его...

Подойдя к самой границе густой тени, я дала знак дриджам остановиться. Уродцы подтащили тяжеленный ящик поближе и плюхнули его на пол. Их кривоватые лапы со сросшимися пальцами (свободен только большой) отпустили рукоятки, и коротышки отползли в сторону. Пока они мне не нужны, и твари это отлично понимают.

– Идите к машине прогревайте двигатель! – приказала я коротышкам, которые боятся оставлять меня одну с непонятной мне преданностью.

Эти гады слишком ничтожны! Сверкая круглыми плоскими глазами, дриджи недоверчиво покосились в сторону прибывших и нехотя двинулись в противоположную сторону: за недостроенным зданием припаркована моя стильная спортивная машина.

Две пары голых пят зашлёпали позади меня и понемногу стихли. Скоро выпадет первый снег, а эти существа всё ещё ходят босиком. Впрочем, они всегда ходят босиком...

Со стороны недостроенной стены, в которой зияет громадная дыра, мне навстречу двинулись все четверо прибывших заказчиков. Суровые мужчины кутаются в куртки и пальто, словно им неуютно... Боятся? Боятся одной безобидной женщины? Впрочем, не такая уж я и безобидная, скажу даже, что меня можно бояться...

Четвёрка приблизилась настолько, что я уже могла различить лица. В большинстве своём, эти лица кривые и неприятные, словно парней в детстве основательно били и полосовали ножами. Трое – настоящие страшилища...

Двое амбалов мне совершенно незнакомы. Судя по физиономиям, по манере держаться, они – просто сопровождение, шестёрки, никто в банде... Глупые лица, широченные плечи, коротко постриженные головы и безвкусные куртки – всё в них настолько безнадежно, никакой перспективы. Эти двое попали в банду шестёрками – ими же они в банде и сдохнут, схватив шальную пулю!

Третий гораздо более интересный: громадный здоровяк никак не ниже метра девяноста, внушающий ужас и страх мужчина, глаза и губы которого выражают не просто ум, но и опыт, и даже некую мудрость. Его я отлично знаю, его знают многие, и многие боятся. Громадный негр Гарольд Белфорт, хладнокровный убийца, готовый по команде начать охоту на любую жертву. Безжалостный жнец...

Из-под чёрной шляпы свисают короткие дреды, взгляд безо всякого интереса ползает по полу и стенам – ему, кажется, совершенно безразличен окружающий мир и его обитатели до тех пор, пока хозяин не укажет ему на цель и не скажет: «Взять!»

Его стоит бояться: возможно, однажды его хозяин укажет на тебя...

Некоторые говорят, что он псих, способный без причины оторвать голову любому, кто рассказывает, что он охотится на пидоров и потрошит их, как рыбу.

Искренне надеялась, что сегодня его не увижу...

Зато в этой четвёрке присутствует Альфред! Отчаянный сорвиголова и балагур, весельчак и настоящий джентльмен! Пожалуй, единственный в банде, с кем хочется иметь дело! Пальто, как всегда, нараспашку, а ветер трепет его фирменный оранжевый шарф! Его небрежность приводит меня в восторг! Как можно остаться таким беззаботным в суровом мире ночного Данкелбурга?

Ему около тридцати пяти, невысокий, сутуловатый, немного косолапый, но не неказистый, как можно подумать, а... яркий, интересный, запоминающийся...

У него донельзя худое и бледное лицо, рыжие волосы и недельная щетина, крючковатый нос и узкие губы, острый подбородок. Глаза вечно находятся в ехидном прищуре, его взгляд нацелен чётко на меня... примерно в область бёдер... На Альфреда я даже не могу за это обидеться!

Его настоящей фамилии не знает никто. Кто-то со всей ответственностью заявляет, что его фамилия – Кэрролл, но достоверно убедиться невозможно: насчёт этого лукавый весельчак

молчит на зависть всем немым! Кто-то так и зовёт его Альфредом Кэрроллом, а кто-то по прозвищу – Рыжим Террористом. Мне нравится просто Альф...

Он улыбнулся правой половиной лица – его фирменная улыбка:

– Какое наслаждение встретить в столь позднее время саму Королеву Винтовок! – изо рта Альфа вырвалось облачко пара.

– Вам, джентльмены, следует радоваться такой удаче! – ответила я рыжему, одарив того идеальной белозубой улыбкой, – Истинные леди сейчас встречаются крайне редко.

Альфред засмеялся необычным, больше похожим на кашель смехом, принимая мои правила общения посредством лёгкой пародии на флирт. Ему это нравится, да и чего уж тут скрывать, мне тоже!

– Как считаешь, Гарольд, много ли нынче в Данкелбурге истинных леди? – обратился Альфред к негру-бугаю.

– Сейчас почти все сплошь шлюхи, – безразлично буркнул чернокожий великан, даже не посмотрев в сторону невысокого товарища.

– Верно, здоровяк! Таких, как Джоди, сложно сыскать! А вы как думаете, ребята?

– Да, ничего так деваха! – гулко промычал один из амбалов за спиной Альфреда, чуть не пуская слюну из кривого рта.

Дамский револьвер выпорхнул из моей сумочки, словно взбесившаяся чёрная птица, и его дуло нацелилось точно в лоб наглому ублюдку! Выхватывать оружие я могу со скоростью кобры, молниеносно и чётко! Это всегда заставляет мужчин вздрагивать и обливаться холодным потом. Обожаю производимый моим миниатюрным револьвером эффект!

Глупый смех грубияна застыл у того в горле...

– Что ты имел в виду? – я свела брови на переносице, что для знающих меня людей является довольно красноречивым сигналом. У выродка где-то 20 % на то, чтобы уйти отсюда живым...

Но вот ко мне уже подскочил Альф:

– Эй, Джоди, – примирительно выставил руки он, – Этот ещё совсем зелёный. Не надо его убивать! Дурак просто совершил ошибку...

Уже 30 %... Альфред вполне спокоен и уверен в себе, но вставать на линию огня не стал: во-первых, он хорошо знает, что в гневе я способна убивать без разбора, и во-вторых, не так уж и важен для него этот щенок, чтобы рисковать ради него.

Здоровяк Гарольд всё так же оставался безразличным к происходящему. Интересно,отреагирует ли он хоть как-нибудь, если я снесу его напарнику-мудаку голову? Захотелось проверить... У выродка теперь 10 %!

– У парня и так нет мозгов, – предпринял ещё одну попытку унять ситуацию рыжий Альф, – Свинцом заполнишь его башку – толку не будет.

Какой же у Вас успокаивающий прокуренный голос, мистер Кэрролл! Палец на курке расслабился... 60 %...

– Мы торопимся, – невпопад влез со своим деловым басом Гарольд.

– Ты всё о делах! Дама оскорблена! Теперь дама на взводе...

– Но сегодня дама находится в хорошем расположении духа и необычайно терпелива, – сама не знаю почему, но я успокоилась и убрала револьвер обратно в сумочку. 99,9 % – везунчик.

Застывший в ужасе бандит облегчённо выдохнул и расслабился. Его товарищ напуган не меньше, раз даже не додумался достать оружие и выручить друга. Действительно, ничтожная зелень...

Альфред удовлетворён исходом случившегося. Его кривая ухмылка вернулась на лицо, он сверкнул лукавым глазом и кивнул Гарольду:

– Ударь!

Темнокожий громила-убийца должен казаться неуклюжим, но на деле это не так! Его движения так молниеносны, что силуэт негра начинает расплываться! Его здоровый кулак врезался под дых грубияну и нырнул обратно в карман куртки так быстро, что всё движение можно было даже не заметить.

Многострадальный идиот схватился за живот и упал на четвереньки, шумно хватая выбитый из лёгких воздух.

Альфред расплылся в довольной улыбке и театральным жестом пригласил меня подойти к ударенному:

– Прошу, Джоди!

Я согласно кивнула и двинулась к согнутому пополам ничтожеству... С каждым шагом его неказистое существо приближается ко мне, я всё отчётливее чувствую его дрянной запах, витающий в морозном воздухе. Тварь кашляет и ползает по полу, пачкаясь в пыли.

Когда человек встаёт на колени, он становится похож на свинью или любое другое неприятное глазу животное! Мерзость, которую было бы неплохо подстрелить, чтобы она кровоточила и медленно умирала!

Я нависла над бандитом и поставила ему ногу на шею. Сначала я старалась посильнее надавить на гада каблуком, но почти сразу же испугалась, что замараю обувь об выродка, и ослабила натиск. Тем не менее, поддонку больно!

– Моли даму о прощении! – подсказал тому Альфред, возникнув сбоку.

Урод шипит и стонет. А я жду. Я могу ждать очень долго!

Но скрюченный болью идиот не стал тянуть:

– Умоляю... простите меня...

Слишком простая фраза, возможно, следует заставить его сказать что-нибудь более изощрённое. Формулировка мне не особо-то важна, главное – унижение подонка! Людей способны воспитать только боль, страх и унижение!

Я перевела взгляд на Альфреда, решив найти в его глазах совета, но глаза рыжего бандита были заняты другим. Я знаю, чем именно: из-за выреза на юбке обнажилось моё бедро. Ох уж этот Альф! И как возможно на него при этом не обижаться?

– Ты прощён, – я с отвращением отпихнула выродка ногой и отступила от него подальше. Поправив выбившийся из причёски локон, я постаралась успокоиться и закурила сигарету. Обычно я на людях не курю...

– Сегодня тебе очень повезло! – нравоучительно сказал ублюдку Альфред, – Считай, что сам Небожитель подарил тебе жизнь! Надеюсь тебя это чему-то научит! Оттащи его в машину, – последняя фраза была адресована уже товарищу униженного.

Оправившись от ступора, тот ловко взвалил друга на плечо, и они согнувшись потащились к машине. Гарольд проводил их ленивым взглядом после чего резко развернул голову в сторону рыжего напарника. Его дреды сильно заколыхались.

– Мы торопимся, – уже жёстче повторил негр-убийца.

Альфред скривил недовольное лицо, перекинул конец оранжевого шарфа через плечо и посмотрел на наручные часы. Узнав текущее время, он ещё сильнее скривился:

– Гарольд, ты жуткий зануда, но ты прав. Времени не хватает даже больше, чем денег!

– И даже больше, чем динамита? – пропела я, выпустив колечко дыма.

– Работая с такими, как ты, Джоди, нехватки с оружием и взрывчаткой быть просто не может! Уверен, сегодня ты нас не подвела...

Наглый льстец! Но его неумелая лесть кажется мне куда более сладкой, чем самые искренние комплементы!

Я отступила в сторону и указала заказчикам на большой тяжёлый ящик, стоящий в тени. Альфред довольно кивнул, Гарольд безразлично нацелил мутный взор на товар и вынул руки из карманов. В полутьме блеснул его крупный золотой перстень...

– Дождёшься... этого... как его? – попытался вспомнить имя одного из своих шестёрок Рыжий Террорист Кэрролл.

– Сам справлюсь.

Громадные лапы обхватили рукоятки ящика, и негр легко поднял тяжеленный груз в одиночку и понёс к машине. Его большие сапоги гулко застучали по бетонному полу.

Страшный тип. Я его не люблю, потому что боюсь...

Как только Альфред может так спокойно себя чувствовать рядом с ним?

– Ровно пятьдесят тысяч, – рыжий достал из недр карманов увесистую пачку денег, – Проверять товар не буду: в качестве уверен!

– В таком случае, я тоже не стану пересчитывать, – пачка скрылась в моей сумочке.

Дым моих сигарет не хочет растворяться и скапливается, словно туман. За его пеленой я уже начинаю терять черты лица Альфреда.

– Ты говорила, что сегодня у тебя хорошее расположение духа, – Альф не спешит заканчивать встречу и уходить, – Позволишь проявить наглость и спросить, почему?

А вот когда он начинает изображать из себя галантного джентльмена, становится особенно приятным!

– Позволяю...

– Вопрос я уже озвучил...

Изначально я никому не собиралась рассказывать, но для Кэрролла могу сделать исключение:

– Я собираюсь покинуть Данкелбург. Причём завтра же. Долго я собиралась, но считаю, что сейчас точно готова.

– Тебе так опостылел этот город? – весело прищурился Альфред.

– До жути... Он нагоняет на меня тоску, его жители меня нервируют, а возможности угнетают! Здесь я давно стучусь головой в потолок, а у меня ещё полно сил, чтобы расти дальше! Данкелбург ужасен.

– Не скажи...

– Скажу, Альфред, скажу, – перебила я рыжего, – Таким птицам, как я, глупо сидеть в этом курятнике. Я же не курица...

– И даже не утка, – усмехнулся Альфред.

Я вытряхнула из мундштука окурки на пол. Красный огонёк светился всего секунду, и тут его придавил Альф. Вот если бы и этот город можно было так просто бросить...

– А что же я за птица? – родился в голове внезапный вопрос и упал на язык, – Быть может павлин?

– Ну уж точно не он, – отрицательно мотнул головой Альфред.

– Почему?

Кэрролл собирался было ответить, но вместо него заговорил автомобиль: два кричающих гудка оповестили Альфреда о времени. Рыжий бандит оглянулся на звук, укрылся рукой от слепящего света фар и ответил уже на ходу:

– Павлины не летают!

Он сказал что-то ещё, но взревевший мотор заглушил его голос. Я проследила за губами – похоже на «прощай», хотя я не уверена. В любом случае, прощай и ты, Альфред, которого все зовут Кэрроллом.

Единственный человек, по которому я буду скучать...

Даже по Рафаэлю скучать не буду...

Посмотрев вслед удаляющемуся «Вальнету» 300, я развернулась на каблучках, собираясь идти в сторону своей машины. Но до автомобиля я не добралась...

Резко развернувшись, я уткнулась взглядом во что-то чёрное, лоснящееся и высокое. Оно столь высокое, стоит столь близко, что закрывает собой всё пространство передо мной. Я медленно подняла голову...

Ужас перед созданием сковывает по рукам и ногам, ввергает в оцепенение, замораживает все клетки тела. Это не человек, но и не асилур. Эта тварь вовсе не принадлежит смертному миру!

Трёхметровая худосочная фигура скрыта под чернильным эфирным покровом, который мог оказаться и плащом, и волосами существа! Лица не видно! У твари не наблюдается конечностей! Она не издаёт звуков, не пахнет! Вполне можно решить, что его нет, если б оно не стояло в шаге от меня!

Ничто не способно меня напугать – в любой ситуации я готова дать отпор. Но сейчас я не могу даже сдвинуться с места, не могу моргнуть, не могу вздохнуть!

Это создание считают женщиной. Её зовут Стумма. Безмолвная гигантская тень, которая приходит тогда, когда её не ждёшь, туда, где её не ждёшь, к тому, кто её не ждёт... Неупоконенный ли это дух или посыльный Небожителя... никто не знает... о Стумме никто ничего не знает...

Известно лишь то, что остаться в живых после встречи с ней невозможно. С роковым постоянством визит тёмной сущности оказывается смертельным, а выбранные ею люди непременно ложатся в могилу...

По-моему, в тот день я и умерла...

Перед смертью я смотрела, не моргая и не дыша, на Стумму более получаса. Когда все часы в Данкелбурге показали ровно двенадцать, и началась Неделя Долгой Ночи, моя жизнь оборвалась...

С любовью, Джоди.

Понедельник, 21:43

В метро я вляпался в чью-то блевотину. Зеленовато-бурое пятно растеклось по нижней ступеньке спуска в подземку. Кто-то заботливо прикрыл органическую субстанцию газетой, так что я заметил её только в тот момент, как мой кед погрузился в недавнее содержимое чьего-то желудка. Целую минуту я яростно стряхивал вязкую мерзость и поливал округу смачной руганью!

Почему-то Данкелбург уж слишком похож на сточную трубу. Словно канализация давно переполнилась и нечистоты полезли на поверхность. Порой кажется, что город затоплен испражнениями по самую верхушку здания компании «Хентиаменти Корпорэйшн» – высочайшего небоскрёба в Данкелбурге.

Не каждый человек способен всплыть на поверхность. Большинство тонет в этом море мерзости, а их трупы оседают на дне. Сейчас я тоже на самом дне. Но у меня есть силы, чтобы всплыть.

Замаранный кед жалко. Это моя единственная обувь – пара старых синих с красным кедров с белыми шнурками. Сейчас, правда, не такими белыми... В них я хожу и жарким летом, и, как сейчас, холодной промозглой осенью, которая вот-вот готова смениться зимой. Чертовски холодно. А все мои деньги уходят на более важные вещи, чем новая обувь...

Пару дней назад я спустил почти весь заработок на фотоаппарат. Дешёвый, неброский, но исправный. Начальник как-то выговорил, что мои статьи приходится выкладывать без соответствующих фотографий. Особенно последние три статьи...

Последние три статьи принесли больше заработка, чем все предыдущие вместе взятые.

Понедельник. Началась Неделя Долгой Ночи. На ближайшие семь дней мир будет отдан в распоряжение непроглядной тьмы. Ближайшие семь дней солнце не будет восходить.

Звёзды похожи на свет, пробивающийся через дырочки дуришлага. Беспольные, жалкие белые точки, словно сыпь на больном лице неба. Их понемногу затягивают рванные тучи. Через пару дней всё будет затянуто ковром бархатных туч, и из них польётся дождь. Хотя нет: когда я уходил из дома, на термометре было двадцать восемь по Фаренгейту – выпадет первый снег...

Холодно. Я нацепил на себя как можно больше свитеров. Из верхней одежды у меня только тонкая вельветовая куртка. Хорошо ещё смог незаметно стянуть с одного прилавка белый шарф. Обмотав его вокруг шеи, я кое-как обезопасил себя от неминуемой простуды...

Я зашёл в заплёванное круглосуточное кафе на углу, чтобы посмотреть время. Своих часов у меня нет. Чтобы не выглядеть глупо, присел за свободный столик и честно выпил чашку дрянного кофе. Расплачиваться пришлось мелочью: бумажных денег у меня не водится. Завтра это должно измениться...

Десять часов ровно. Он выходит на улицы в половину одиннадцатого. До его двора пешком не более пятнадцати минут. Тратиться на автобус не хочется...

Сверился с блокнотом – всё правильно, по его расписанию сегодня выходной. По выходным Гордон Вульф выходит на ночные прогулки. Строго раз в четыре дня. Строго раз в четыре дня я прихожу следить за ним.

В кафе я немного согрелся. Всё равно сохранить здоровье в порядке будет непросто. Дома придётся до утра пить целебный чай и греть ноги в горячей воде, чтобы наутро не слечь с жутким кашлем.

Я углубляюсь в южный район города – царство шпаны и извергов, у которых месяц назад появился свой король. За этим королём я и иду. Иду за ним в глубокую нору белого кролика, в которой вовсе не Зазеркалье, а гораздо более мерзкое место. На юге Данкелбурга живут звери, которые калечат и женщин, и детей, а дети быстро превращаются в таких же зверей. Только звериные ярость и агрессия позволяют им вырасти в неблагоприятном районе.

Здесь грабят среди бела дня, а когда людей избивают или насилуют, вокруг собираются толпы зевак. Полиция не любит сюда соваться. А вот меня так и тянет...

Тянет к Гордону Вульфу...

Эта фраза кажется признанием пидора, но это не так. Не стоит сомневаться в моей сексуальной ориентации, надо просто во всём разобраться...

Тогда...

Две недели назад я сидел в офисе главного редактора. Мистер Арлес прочитывал черновой вариант моей новой статьи, наспех подготовленной всего за день. Приходится работать быстро, чтобы как можно скорее получить гонорар. Его мясистый курносый нос быстро мотается из стороны в сторону. Бастиан Арлес пробегает по строчкам не одними глазами, а сразу всем лицом – какой-то дефект глазодвигательных мышц.

Я нервно ёрзаю в ожидании вердикта. Мои глаза нацелены на макушку мистера Арлеса – чёрная краска старательно закрашивает седину сорокалетнего холерика. Он сегодня одел самую глупую из своих рубашек – розовую в полосочку. Опять ловлю себя на мысли, что считаю эту рубашку глупой потому, что она слишком дорогая, и я не смогу позволить себе такую ближайшие десять лет...

Полноватый мистер Арлес отложил статью в сторону, чуть отъехал назад на стильном кресле на колёсиках, шумно выдохнул, изогнул пухлые губы и начал растирать виски пальцами – дурной знак. В лучшем случае отправит дорабатывать или переделывать половину, в худшем – пошлёт к черту, сославшись на «неформатность» статьи.

Вентилятор под потолком делает кабинет редактора более свежим и прохладным, но стёкла моих очков всё равно запотевают. Морщинистое лицо палача нацеливается на меня с ленивым презрением. С секунды на секунду я услышу приговор...

Сейчас...

Газета «Еженедельно актуально» издаётся в Данкелбурге уже восемьдесят лет. Толстый еженедельник уверенно держится на вершине рейтинга самых популярных печатных изданий города. Независимая газета акцентирует внимание на самых интересных событиях и фактах.

Работать в редакции «Еженедельно актуально» – очень престижно для начинающего журналиста. Такого, как я...

Меня зовут Курт Чатлер. Мне двадцать один год. Я только что закончил университет, получил специальность журналиста и нашёл работу в «Еженедельно актуально» внештатным сотрудником. Теперь предлагаю издателю свои статьи в надежде, что их приобретут...

Примерно сорок процентов моих статей отправляются в мусорную корзину, а остальные приносят временный доход.

Такое существование на грани бедности продолжается уже шесть лет с тех пор, как родители прознали про мои нередкие мелкие кражи и выгнали из дома. Спас мой интеллект: я проскочил пару классов экстерном, отучился в университете на бюджете и пораньше взялся за нормальную работу.

Хотя нормальной её назвать сложно...

Тогда...

Бастиан Арлес высокомерно смотрит на меня, Курта Чатлера. Я, Курт Чатлер, робко выглядываю исподлобья через очки на главного редактора Бастина Арлеса. Этот морщинистый черногривый лев разве что не выпускает когти – издёвки над мышью сейчас начнутся...

Верхняя часть туловища толстяка навалилась на стол. Мистер Арлес облизывает обветренные губы и произносит:

– Мистер Чатлер, надеюсь, Вы понимаете, что работаете в серьёзной газете... Вы же ведь понимаете?

Он никогда не говорит прямо. Всегда начинает издаleка. Так приятнее унижать сотрудников.

– Конечно, понимаю, – отвечаю я и всё больше сжимаюсь.

– Тогда к чему, позвольте спросить, Вы предлагаете мне какую-то ерунду про профсоюзы дриджей? Вы, что, думаете, что людям будет интересно читать про сборища лысых карликов, которые пытаются протолкнуть к мэру на стол бумаги со списком своих прав? Да студенческие движения по защите бездомных собак приковывают большее внимание!

Это бессмысленно, но я предпринимаю попытку оправдаться:

– На эту тему нет статей, и я решил заполнить пустующую нишу...

– На эту тему никто не пишет потому, что это никому не нужно! – звучит в моей голове злобный клёкот мистера Арлеса. Я представляю эту фразу не дословно: в оригинале было много отборного мата.

Я жалобно поджимаю губы и жду, когда же это, наконец, закончится...

– Повторюсь, что мы не занимаемся всяческими бреднями! – мистер Арлес говорит со мной свысока, – Если Вы, мистер Чатлер, хотите работать в нашем издательстве и тем более войти в штаб, подготавливайте стоящий материал.

– Да, я понимаю...

– Надеюсь, – пухлая рука главного редактора хватает мои труды и отправляет их в корзину. Я успеваю отметить, что она уже полна мятой бумаги, – В ином случае мы можем предложить Вам работу, например, уборщиком. Предыдущая Ваша статья, мистер Чатлер, про самоубийство офицера полиции показывает, что Вы не безнадёжны...

Я проглатываю все услышанные ранее оскорбления и отвечаю:

– Хорошо, спасибо, мистер Ар...

– Всё, проваливайте! Не отнимайте у меня время!

Словно израненный и побитый, я покидаю кабинет...

Сейчас...

Освещения на улицах становится всё меньше – теперь фонари стоят на расстоянии около сотни метров друг от друга. Было бы очень темно, если бы не довольная яркая половина луны. Её бледный свет снисходит на Данкелбург, освещая его гнилое естество.

И видны звёзды. Ни в одном другом крупном городе звёзд не видно. Я же могу рассмотреть их многообразие в мельчайших деталях. Я могу даже разглядеть спрятанные среди них глаза Небожителя. Но не хочу.

Сам по себе Данкелбург настраивает на то, что приходится вечно смотреть под ноги.

Воспоминания тягостные и неприятные. Только привыкание и осознание того, что в моей жалкой жизни таких случаев бывает немало утешают. Я смирился со своей судьбой, смирился с тем, что моя юность будет именно такой. Но зрелую жизнь я непременно изменю!

Тогда...

Перемены начались двенадцать дней назад. Тогда я только оправился от испытанного в кабинете мистера Арлеса позора и искал материал для новой статьи. Целый день я проторчал в своей микроскопической квартирке в ожидании озарения и вдохновения. Целый день они не приходили.

Возможно, всему виной имена эта квартира, в которой я влачу своё жалкое существование: обшарпанные стены без обоев, осыпающийся потолок, самодельная кровать из трёх досок, поставленных на ровные стопки книг – в моём жилище ничто не подходит под определение «уют».

Зато самое оно, что подходит для молодого парня без денег – город неблагоклонен к неимущим.

В тот день я проснулся от того, что под моим окном столкнулись два горбатых автомобиля. Плюющие слюной хозяева транспортных средств материли друг друга, да так, что перекричали крякающие сигналы лениво объезжающих их машин. Удар несильный, о чём говорят незначительные повреждения, но даже из-за отбитых кругляшей фар водители готовы перегрызть друг другу глотки.

Я долго наблюдал за ругающимися господами. В солидных костюмах, с респектабельной внешностью и изящными автомобилями стильных чёрных цветов, эти двое поведением своим напоминают портовых грузчиков-эмигрантов.

Отчего-то в Данкелбурге так сложно встретить порядочных и спокойных людей.

Сам себя я к категории таких лиц не причисляю.

Настало время просыпаться и натягивать на себя потёртые джинсы фирмы «Штрауц». Многие считают этот предмет одежды плебейский, отвратительным, бунтарским. Консервативно настроенное общество считает джинсы одеждой для будущих преступников, штанами для всякой шпаны. Я же считаю их удобными, долговечными и... дешёвыми.

Опустив ноги на пол, где меня ждут поношенные кеды, я обнаружил, что за ночь одна книжная стопка немного рассыпалась, и кровать чуть перекосилась. Пришлось восстанавливать, с позволения сказать, мебель...

Я принялся укладывать книги поровнее, чтобы не допустить повторных разрушений в ближайшее время. Моё ложе поддерживают самые известные писатели современности: здесь

и Абрахамс, и Барстоу, и Ирвинг, и Стайнер. Настоящая библиотека, за которую некоторые букинисты отдали бы немалые средства. Но для меня эти книги являются просто частью кровати.

Мне не приходилось читать ни одну из них. За все шесть лет проживания здесь я ни разу не взял в руки ни одну из этих книг с целью чтения.

Вряд ли хоть кто-то из этих авторов предполагал, что его труды будут использоваться именно так. Сомневаюсь, что хоть кто-то из них остался бы равнодушен, увидев подобное зрелище. В своих глупых фантазиях я нередко заменяю книги на самих писателей и представляю, как сплю на их спинах. Все в костюмах, с галстуками, но все пыльные с ног до головы, прямо как и их произведения.

Помнится, единственный раз я всё же пролистал интереса ради один роман, но с несколько иной целью: я наивно понадеялся, что предыдущий жилец спрятал в одну из них деньги...

Так пренебрежительно обращаясь с интеллектуальными трудами известных писателей, я начинаю осознавать, что и у газет, в которых опубликованы мои статьи, судьбы складываются не лучше: моими строками бомжи устилают ложа на ночь, ими убивают мух, на них потрошат рыбу, в них заворачивают куски свинины...

Признаться, сперва от этих ассоциаций ёкало сердце. Теперь я об этом не думаю вовсе... Или умело вру сам себе, что не думаю...

Восстановив целостность кровати, я снова перевожу взгляд на виды за окном. Данкелбург не меняется и меняться не собирается. Он всё такой же, как и четырнадцать лет назад, когда город полностью восстановили от последствий войны. Осколки камня убрали, памятники и здания восстановили, наладили инфраструктуру и постарались забыть о недавнем грандиозном конфликте, который затронул семьдесят две страны. Её постарались забыть и главы государств, и простые солдаты. Ни одного напоминания о ней не осталось в обыденной жизни общества.

Но все друг друга обманывают с той же тщетностью, с которой можно обманывать и самого себя. Все всё прекрасно помнят...

Один только город затянул свои раны и забыл. А фантомов, что пытаются напомнить ему, он затолкал в тень, где ничего не видно.

Ещё довольно темно и я включаю лампу с тёмно-зелёным абажуром. В моей квартирке нет люстры, так что весь свет источают лампы и свечи в стеклянных банках, переполненных расплавленным воском.

Жёлтый свет кое-как разгоняет мрак в комнате. Я иду к стулу, переступая через кучи самого разного мусора: бумажки, упавшая на пол штора, обломки табурета, стакан, рассыпанные карандаши, куски штукатурки, упавшие с потолка...

Вот я уже плюхаюсь на деревянный стул, радуясь, что он не развалился подо мной. На рабочем столе свалено всё, что не уместилось на полу. Здесь стоят самые разные предметы, начиная от горшка с землёй, в котором давным-давно сгнил цветок, и заканчивая посеревшей печатной машинкой. На ней я набираю свои статьи...

Здесь я пытаюсь работать...

Первые десять минут я просто сижу и изучаю разбросанные по столу номера «Еженедельно актуально», стараясь вычленив то единственное, на чём стоит сосредоточить усилия. Я просматриваю колонки, вычленив ошибки писак-бездарей, статьи которых попадают в газету в отличие от моих, систематизирую темы, выявляю интерес читателей, последние тренды в журналистской работе...

А потом бросаю и иду умываться и заваривать чай. Утро надо начинать правильно.

Пол в ванной усыпан осколками кирпича. Это либо чья-то шутка, либо что-то ещё... Не знаю... По-моему, так никто не делает. Спасает только половичок, постеленный поверх.

Из ржавого крана в ржавую бурую раковину стекает ржавая же вода. Я жду минуту, затем вторую, после этого третью... Спустя восемь минут вода становится немного прозрачнее, и я начинаю умываться. Если набрать воду в ладоши, она кажется совсем чистой, и плескать её на лицо морально становится легче. Я стараюсь не думать, сколько красно-бурой дряни выплёскиваю на физиономию, стараюсь не настраивать себя на мысль о возможных кожных заболеваниях...

Особенно это нелегко, когда приходится чистить зубы. Рот я стараюсь не споласкивать.

Закончив этот ужасный ритуал, я закрываю глаза и упираюсь руками о раковину. Начинается борьба с самим собой: так хочется заорать от ненависти, испытываемой к этому миру, хочется вырвать из стены раковину, разбить её о ванну, хочется всё крушить!

Или просто унести отсюда куда-нибудь далеко, где никакой этой хреновни нет, где всё лучше, чем здесь. Иногда мне даже кажется, что у меня выходит, что у меня получается, и я уже где-то высоко, на горных лугах, где пасутся коровы, каждая из которых выглядит лучше, чем я.

И только хруст кирпичей под ногами говорит о том, что я ещё в своей ванной.

В тот день в реальность меня вернул мощный удар и истошный крик этажом ниже. Вопит женщина, она кричит на невозможных обычному человеку высотах, истерично прыгая голосом с октавы на октаву. Ровно семь секунд её мерзкого крика, и тут шлепок всё обрывает. Повторный звук удара – миссис Шейл упала на пол. Её снова избивает муж.

Мистер Шейл любит это делать. Он бьёт жену строго раз в неделю. Все три года, что они живут подо мной, продолжаются эти зверства. Ещё шлепки, ещё удары – мистер Шейл беспощадно мутузит свою ненаглядную.

Я бы мог проявить интерес, вслушаться и дождаться развязки, но эти избиения продолжаются довольно долго, так что я ещё успею сходить и выпить чаю. Чета Шейлов от меня никуда не денется.

На кухне, больше похожей на кладовую, я ставлю закопчённый чайник на примус и включаю подачу керосина в горелку. Разгорается пламя. Совсем скоро вскипит ржавая вода.

Тем временем я насыпаю сушённые листья чая в грязную чашку, отмыть которую не в силах, и жду кипятка. Я больше люблю сладкий чай, но в моём доме попросту нет сахара.

На стене висит календарь, который сурово напоминает о приближающейся зиме. Снова будет настолько холодно, что придётся спать в одежде. Снова придётся выживать.

А внизу продолжается бойня. Удары по чему-то мягкому (лицу миссис Шейл) и удары обо что-то твёрдое (это уже падения той же самой миссис Шейл). Странно, ещё вчера ночью у них была интимная близость – я не мог уснуть под эти крики до двух часов. Обычно секс несколько примиряет людей, а тут уже на утро случился скандал.

Возможно, из двух сексуальных партнёров вчера только у одного была фамилия Шейл. Тогда причина жестокого избиения бедной женщины становится понятной.

Грохот такой, словно борются не стремительно стареющий дистрофик и его искалеченная жена, а супертяжеловесы Карл Шоб и Рудольф Имеранг сошлись на боксёрском ринге. Из-за этой ассоциации резко упало настроение, потому что когда эти два боксёра в реальности сошлись в поединке, я поставил на Шоба целую двадцатку, но выиграл Имеранг...

Мне, как человеку, избегающему драк, совершенно непонятно, как можно так долго метелить ближнего, особенно жену. Опустившийся по жизни мистер Шейл пытается самоутвердиться за счёт небывалого унижения супруги, подобно тому, как я хочу самоутвердиться за счёт разнесённой раковины.

И я, и все прочие соседи слушаем это целых три года. За эти три года никто ни разу не попытался вмешаться и остановить садиста. Никто даже не вызывал полицейских. Ни разу...

Волей-неволей поверишь, что в Данкелбурге разверзся настоящий ад.

Я обернулся и посмотрел в окно, заляпанное чем-то снаружи. Коричневая гадость крупными пятнами усеивает стекло. В тот день я впервые подумал, что наш город затапливает дерьмом по самые крыши.

Миссис Шейл продолжает истошно вопить. Её нечеловеческий вой раз за разом обрывают удары мужа. Поверьте, я видел немало людей, но ни разу не слышал столь отвратительных звуков, издаваемых человеком разумным. Уши выворачивает!

Сейчас я не прочь спуститься и помочь мистеру Шейл избивать жену! Лишь бы она заткнулась!

Быть может, мне написать про них? Семья, без детей, живущая животной жизнью на протяжении трёх лет! Но кто это будет читать? Слишком мрачно для жителей Данкелбурга, которым хочется увидеть в жизни хоть что-то радостное и светлое.

Чайник изрыгает струю пара, я наливаю себе полную чашку и возвращаюсь в комнату.

Крики, вроде бы, начинают стихать. Миссис Шейл долго держалась. Как-то я увидел её лицо после очередного избиения: всё в синяках, опухшее, заплывшее, красно-синее, уродливое. Нос больше напоминает короткий хобот, свисающий лоскутом кожи. Везде только-только зажившие кровоподтёки...

Возможно, это прозвучит цинично, но я хочу, чтобы миссис Шейл умерла. Думаю, она и сама этого хочет. В её ситуации проще просто умереть и не мучиться! Больше не чувствовать боль и унижения!

Что толку жить с извергом, который вечно пропадает у соседа по этажу, нажираясь на пару дешёвым виски, в который мистер Олиут подсыпает какую-то дрянь. Больше всего эта штука похожа на какой-то наркотик, но некоторые авторитетно заявляют, что психопат просто сыпет в алкоголь пыль.

Один раз я случайно попал к мистеру Олиуту и стащил горсточку этой мерзости, но так и не решился попробовать. Гадость смыл в унитаз и внимательно проследил, чтобы вода унесла с собой каждую частичку странного вещества.

В этом доме меня окружают сплошь сумасшедшие, от которых я уже почти не отличаюсь. Весь мой дом заполнен психами под завязку, словно какой-то Маурнфулхаус. Так называется местная психушка, что расположена за городом. Там содержат и просто невменяемых, и опасных маньяков-психопатов, вроде Поджигателя Томаса...

Чай мерзкий, горький, но пить его надо. Тепло от жидкости способно утихомирить чувство голода. То что нужно, особенно, если учитывать, что деньги уже кончаются.

Очередная порция звонкого мата, хлопок двери и тишина... Мистер Шейл закончил с супругой и отправился по своим «делам». Надеюсь, мистер Олиут сейчас у себя, иначе мистер Шейл начнёт стучаться во все подряд квартиры. Не исключено, что его притащит сюда.

Я ненавижу весь дом от фундамента до чердака!

Как возможно, что всего три этажа и девять квартир могут вызывать у меня так много негативных эмоций?

В первой квартире живёт одинокий старик. Никому не удаётся проникнуть в его затворническую жизнь. Он нередко выглядывает из окна и следит за улицей. Особенно ему нравится любоваться на трамваи. Старому шизофренику доставляет удовольствие смотреть на рельсовый транспорт. Имени старика я не помню. Никто не помнит, кроме миссис Францельш – хозяйки многих квартир в этом доме. Именно у неё я и снимаю эту дыру.

Миссис Диана Францельш живёт по соседству со старым любителем трамваев. Заплывшая жиром, дряблая и шербатая уродина! Нос словно у негра, широкий и плоский, глаза, как у свиньи, микроскопические, ехидные, высокомерные. Эта мразь ничего из себя не представляет, она – пустое место, однако откуда-то у неё берётся это презрение, что даёт ей право и причины говорить с людьми свысока, унижать их, оскорблять? Кто давал этой мрази право?

И почему я ничего не могу этому противопоставить?

Говорят, людей портит власть, деньги, положение в обществе, происхождение, связи... Это неправда. Не имея ничего этого, некоторые могут быть не менее презрительными и надменными.

Радует только то, что она когда-нибудь сгниёт здесь. А у меня ещё есть шанс. Он появился в тот день.

С плаката, подаренного мне другом Гарри, подмигивал высокий красивый артист. Скоро состоится премьера нового спектакля. Я приглашён.

Дружеское подмигивание исполнителя главной роли настраивает на положительный лад.

Ещё вспомнился мелкий шулер с первого этажа. Картёжник. Хитрый плут. Деньги в его карманах появляются путём мухлеж. Он круглые сутки проводит в незаконных подпольных клубах, где зарабатывает и проигрывает немалые состояния по несколько раз за день. Пустой бездельник. Пустой пользователь. Я же – творец. Мне положено его не понимать.

Да тут ещё можно его не любить.

Парень не прочь пожить в долг. Вот только возвращать деньги он не спешит, даже если может. Один раз он занимал и у меня. Когда попытался развести меня второй раз, я просто послал его.

Но своих денег мне уже не вернуть.

Чай мерзкий, словно зачёрпнутый из сливного бачка унитаза. Когда я пропускаю через себя проржавевшую воду, начинаю чувствовать себя трубой. Вода катится по ней далеко, сливается в мерзостную водицу загаженной реки.

На втором этаже живут уже описанные мною чета Шейл и мистер Олиут. Эти твари куда ужаснее и отвратительнее жильцов первого этажа.

На третьем, на одной лестничной площадке со мной живут две семьи: чета Нерис и чета Ройлс. Две гадкие семейки, одна хуже другой...

Чета Нерис знаменита на весь подъезд своей гадкой натурой, завернутой в красивую оболочку. Внешне они стараются выглядеть красиво, респектабельно, одеваются в строгие костюмы, хотя и работают где-то на бойне. Всегда улыбаются, словно нанюхались веселящего газа.

Однако внутри, в сердцах этих людей копошатся мерзостные белые черви порока. Они токсикоманы. Возле их двери вечно витают самые невообразимые запахи, сбивающие с ног. От их квартиры просто-таки разит смрадом.

Чета Нерис живёт не в квартире, а в газовой камере.

У них был сын. Миссис Нерис родила его недоношенным. В прошлом году ему исполнилось три года. В этом возрасте он всё ещё не умел ни ходить, ни говорить. И умер. Задохнулся от острых запахов.

Я не ходил на похороны. Собирался, но не пошёл...

О семье Ройлс мне всегда неудобно вспоминать. У них часто бывает много гостей: они свингеры. Чёртовы экспериментаторы, не знающие, куда бы им пристроить генеталии! Из их квартиры часто раздаются громкие звуки группового секса.

Однажды чета Ройлс заявила ко мне и предлагала зайти в гости. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять зачем. Мистер Ройлс ещё сказал, что я могу пригласить с собой девушку.

Я внимательно осматриваю невинных с виду людей, смотрю на похотливого мистера Ройлса, который прямо предлагает поиметь мою девушку, смотрю и на миссис Ройлс, которая прямо предлагает поиметь её. Мне становится дурно. Тогда я сказал, что подумаю, не зная, как ещё спровадить этих людей. Потом меня внезапно вырвало – я еле успел добежать до туалета.

Извращенцы!

А ведь у них есть совсем взрослая дочь. Девушке уже около семнадцати лет. Она одевается во всё чёрное, малюет лицо бело-чёрным гримом и, бряцая всевозможными заклёпками

и застёжками, идёт на улицы к таким же ненормальным друзьям. Они называют себя готами по названию древних племён. Они, вроде бы, поклоняются смерти, предрекают скорое пришествие Сатаны и тому подобное.

Она прогуливает школу, нигде не работает, ничем полезным не занимается. Это движение готов закрыло ей глаза.

А её родители с глупым выражением лица смотрят ей вслед и считают, что всё в порядке. Если вы встретите на улицах Данкелбурга девушку со шрамом в виде креста на щеке, то это будет Ханна Ройлс.

Со всеми этими людьми мне приходится жить и тешить себя мыслями, что я совершенно не такой, как они. Иногда я начинаю в это верить, а иногда смиряюсь, что являюсь обязательным кирпичиком этого порочного образования. Начинаю чувствовать, как и от меня разит безнадежным звериным существованием.

Сейчас...

Но с того самого дня я верю, что всё могу исправить. Каждые четыре дня, ровно по расписанию, я начинаю верить особенно сильно.

Десять часов, восемь минут. Становится совсем холодно, словно все слои одежды, натянутые на меня, растворяются. Скоро я уже плохо начну шевелить пальцами, а мне предстоит провести на улице никак не меньше трёх-четырёх часов.

Я прохожу мимо витрины с телевизорами и останавливаюсь. Телевизор. Сегодня иметь телевизор также почётно, как пятьдесят лет назад иметь автомобиль. Квадратные коробки с чёрными экранами, которые оживут, стоит только нажать на кнопку. И вот уже весь мир перед тобой! Пусть он и заключён в рамки небольшого электроприбора.

Почти три года я мечтаю о собственном телевизоре. В наши дни он присутствует примерно в половине квартир города. Примерно половина населения Данкелбурга может себе позволить окунуться в этот новый, диковинный пока мир телевидения. Возможно, скоро и я в него окунусь, возможно.

Совсем недавно телевидение стало цветным. Совсем недавно поступили в продажу цветные телевизоры. Мой телевизор непременно будет цветным...

Слава богу, рядом со мной нет Гарри. Этот человек не одобрит моего интереса к ящику с экранчиком. Долбанный принципиальный Гарри постоянно твердит, что телевизоры убьют газеты, убьют театр – всё, ради чего он живёт.

В его голове, отчего-то, засело убеждение, что новости, вещаемые по телевидению, совершенно не имеют души, в отличие от тех, что выкладывают на газеты страницах газет. Яркий экран кажется Гарри куда мертвее бумаги и свинцовой краски. Возможно, он, как и многие, просто оправдывает таким образом свою невозможность приобрести заветный электроприбор с антенной.

Поговаривают, правда, что телевизионные антенны притягивают к себе Сомлей. Сомли – загадочные создания, похожие на бабочек или мотыльков, но ими не являющихся. Они вообще не являются живыми существами, и вопрос их происхождения находится в той же области, что и вопрос происхождения Небожителя.

Эти белые светящиеся бабочки суетливо порхают в любую погоду от дома к дому, забираются в квартиры и сыплют во все стороны маленькими искорками с крыльев. Известно, что эти создания вытягивают силы, делая людей вялыми, сонными, нервными и агрессивными. Если начинается депрессия ни с того, ни с сего, стоит заподозрить в этом маленьких крылатых вредителей.

Да, их притягивают антенны телевизоров и радио. Скорее всего, в этом виноваты радиоволны.

Скорее всего...

Я рассматриваю различные модели довольно долго. Фонарь стоит прямо за спиной, и моя густая тень мешает разглядеть самый крупный и пузатый ящик. Свет частично отражается от стекла, так что истинный облик красавцев не виден – я могу лишь примерно прикинуть. И лишь в голове могу представить, сколько предстоит работать ради самого дешёвого...

Время бежит, а я не могу оторваться от таких манящих ящиков с кнопками и экранами. На ум приходит мысль о новом виде зависимости...

На часах десять часов, десять минут – часы в глубине магазина говорят, что я проторчал перед витриной всего две минуты. Вернулся холод, вернулось понимание того, за чем я вообще сюда пришёл.

Ноги сами развернулись и понесли меня вперёд. Гордон Вульф ждёт, но сам он об этом не подозревает.

Тогда...

В тот день я приехал в южный район города к другу, промышляющему продажей рыболовных снастей где-то на центральном рынке. Дешёвые удочки, лески, крючки, сети и поплавки в Данкелбурге расходятся плохо, так что мой друг живёт немногим богаче, чем я. Зато он очень гостеприимен. В тот день я неправильно понял его гостеприимство.

Ему нужна была помощь с ремонтом, поэтому-то он и решил позвать меня. Не то, чтобы я против несложной работёнки за хорошую еду, но манера моего друга вспоминать о ближних только в минуты, когда требуется помощь, несколько меня злит. Ненавязчиво пользоваться друзьями – это именно про него...

Мы проторчали у него пять часов. За это время я успел оценить всю сложность такого незамысловатого процесса, как оклейка обоев. Листы ложились кривовато, и мой друг постоянно их отдирали и переклеивали. Без этого работа должна была бы закончиться в разы быстрее.

Только к шести мы, наконец, закончили. Его комната стала казаться ещё более неряшливой с новым цветом стен. Бежевый с бледно-зелёными волнистыми полосками – кому только в голову пришло создать такое сочетание?

Мы усадились на кухне. Мой друг по привычке открыл окно и принялся швырять в витой фонарный столб старые хлебные корки. Его снарядов хватило всего на десять бросков, из которых девять были пущены мимо.

Мой товарищ затем долго нахваливал себя за меткое попадание. Некоторым людям нужно так мало, чтобы гордиться собой.

Он, как и всегда, говорил один, позволяя мне вставить только «да» или «нет», не более того. Он из того рода людей, которым кажется, что они единственные, кто всё знает о мире. Они так спешат поделиться этими знаниями, высказанными крайне экспрессивно, с предысторией, с чувством, с тактом и аплодисментами в конце.

Ещё он любит рассказывать по несколько раз одну и ту же историю, приукрашивая её время от времени новыми деталями. Так я снова услышал, как его в школе подставили, а затем несправедливо побили, снова услышал, как его бабушка окатила водой полицейского, и начались тотальные проверки всех квартир дома, после которых были арестованы двое жильцов, я снова услышал невероятную притчу о том, как его бросила девушка, и он, выпив несколько литров крепкого алкоголя, решил броситься с моста...

Я сидел и слушал, с каждой минутой понимая, что больше не в силах здесь оставаться. Мне было откровенно погано. Всему виной позавчерашний разговор с мистером Арлесом.

Я всё искал повод уйти, но в голову ничего не шло.

Даже когда стало совсем темно, друг меня не отпускал. Из его уст сыпались всё новые истории и новые философские мнения относительно устройства мира. Его было не остановить...

Не помню, сколько раз я произнёс сокровенное «Уже поздно – мне пора», но мой друг отпустил меня только в десять. Провожая меня, он не мог сдержаться прущую из него благодарность и подарил мне поплавок. Как он заверил меня, это его лучший поплавок.

Подарок друга я выкинул, только протопав три квартала. Отчего-то я испугался, что если выкину его близко к дому товарища, то тот непременно отыщет подарок в мусорном баке и обидится. Пусть такой сомнительной дружбой можно и пренебрегать, но моральные принципы не позволяют портить отношений с близкими и знакомыми.

Что-то заставляет меня дорожить каждым мало-мальски знакомым человеком. Видимо, это от страха остаться совсем одному в громадном седом Данкелбурге.

В ту ночь я пошёл к станции метро по улице Паприкстрабе...

Сейчас...

Сейчас я тоже иду на эту улицу.

В который раз за день перепроверяю, что ничего не забыл – залезаю в сумку. Блокнот, фонарик, набор карандашей, фотоаппарат, плёнка, перчатки. Всё, что может понадобится, с собой. Стало легче, но лишь чуть-чуть.

Мандраж никак не проходит. Вот ведь чёрт! Уже в четвёртый раз занимаюсь этим, а всё никак не свыknусь...

Засосало под ложечкой. Нервы никак не унять. Я не страдаю особой нервозностью, никогда не пью лекарств, но сегодня меня трясёт от волнения, колотит от страха и предчувствия неладного.

В голове мелькнула предательская мысль всё бросить и пойти домой, но я тут же раздавил её, как таракана. Единственный шанс в моей жизни вырваться из глубокого омута нищеты предоставляется сегодня. Упустить его – значит расстаться с будущим.

Я не такой идиот, чтобы это делать.

Данкелбург переполнен нищетой. Деньги перетекают в лапы политиков, бизнесменов и банкиров. Простому народу совсем ничего не остаётся, поэтому надо цепляться в свой шанс зубами и ногтями! Впиваться клыками поглубже, вонзять ногти до треска! Только безвольные глупцы, лишённые всякой веры в себя, способны позволить шансу проплыть мимо!

Я не из таких! Я не могу быть из таких!

Таких людей и так слишком много, чтобы я влился в общую массу. Не для того я здесь, в Данкелбурге, чтобы растворяться в толпе. Толпа – это потребители, а я – творец!

Я уже месяц повторяю про себя эту фразу. Эта фраза, услышанная от мистера Арлеса, прицепилась, словно репей, прицепилась к самому языку. Теперь не отстанет, как бы я ни старался.

Да я не особо-то и стараюсь...

На лавке я обнаружил спящего дриджа. Карлик ёрзает и сопит. Отвратительное зрелище. Как только их пускают в страну? Будь моя воля – их бы сослали на какой-нибудь остров и оставил бы там в надежде, что они все передохнут от голода...

Лысый череп, обтянутый серой кожей, похож на камень. Эти создания в принципе не похожи на живых существ.

Я приостановился. Времени хватает – идти недолго. В сумке лежит фонарик. Довольно крепкий и тяжёлый фонарик. Я стою за спиной этого гада. Можно внезапно напасть и точным ударом разбить голову. Если не получится с первого удара, никто не помешает добить его...

Никого в зоне видимости. Никто меня не увидит. Я избавлю город от дриджа-бомжа. Коротышка не способен ничего противопоставить в битве один на один человеку.

Идиотизм! Просто какая-то херня!

Я подстегнул себя и двинулся вперёд широкими шагами. Что на меня нашло? Что за бред? Я же не псих, не убийца! И я же не расист! Просто не могу вынести той мерзости, которую у меня вызывают эти создания!

Но я не убийца!

Зачем мне связываться с тем бомжом?

Тогда...

В школе я был малообщительным, замкнутым, немного одиноким. Сверстники не любили общаться со мной. Круг друзей был до неприличия узким.

Я вертелся в компании так называемых «середнячков». Нас никто не отлавливал после школы, нас не считали ботанами или лузерами, но мы и не были теми ребятами, что всегда находятся в центре внимания, мы не были крутыми, мы были серой массой, которую попросту не замечает никто, кроме учителей.

Мы были призраками, незаметными, блёклыми призраками. Мы жили посредственной, ровной, унылой и безнадёжной жизнью. Я жил этой жизнью.

Я рос тихим, робким и бесхарактерным. Любую ситуацию я старался решить мирным путём, любой конфликт я старался избежать. Я никогда не был подвержен жажде помахать кулаками.

Я никогда не дрался...

Сейчас...

Почему же мне захотелось атаковать того дриджа? Почему же мне так захотелось не просто бить это существо, а именно жесткого его убить? Без причины...

Сколько бы ни пытался, я не вспомню тот день, когда стал агрессивным психом...

Надо больше спать. Вопреки крикам миссис Шейл, вопреки шумам в квартире четы Ройлс, вопреки воням из квартиры четы Нерис и поносному осадку от презрительных речей миссис Францельш надо просто лечь, уснуть пораньше и проспать до обеда.

За последние семь дней я провёл в объятьях Морфея не больше тридцати часов. Приблизительно четыре с половиной часа сна каждую ночь. Я просыпаюсь за несколько часов до пронзительного звона будильника, который, в силу этих обстоятельств, становится абсолютно бесполезным.

Ещё можно купить снотворного. В аптеке можно найти что-нибудь и без рецепта.

Сон выветрит навязчивые идеи.

Размышления прервало шуршание впереди. Я поднял голову и увидел впереди пару медленно бредущих людей. Правый, тот, что выше и шире в плечах, звучно шаркает. Оба мужчины. Возраст и внешний вид издали да ещё и в полутьме разглядеть крайне сложно.

Здоровяк выглядит откровенно неприятно: вызывающе раскачивает плечами, идёт в развалочку, руки держит в карманах. Второй семенит рядом, не отставая ни на шаг. Возможно, уличная шпана. В такое время суток столкнуться с ними на пустой улице – не самое приятное развитие событий.

Мне стало не по себе...

Развернуться и пойти в противоположную сторону будет довольно глупой реакцией на появление на горизонте неизвестных. Ко всему прочему, это может только подзадорить их, спровоцировать...

Спрятаться в подворотню, переждать в круглосуточном кафе, магазинчике или, на худой конец, укрыться в телефонной будке не выйдет, по причине отсутствия перечисленных объектов. Остается единственно-возможное продолжение – просто продолжать идти вперед.

Я сильнее сжался, чтобы меня элементарно проигнорировали, чтобы не вызвать никакого интереса этой подозрительной парочки. Я постарался слиться с тенью...

Здоровяк пожал плечами и глухо посмеялся! Я напрягся и покосился на идущего навстречу бугая. Почему-то первое, что пришло в голову – он посмеялся надо мной. Нашёл что-то в моём поведении, в моей тщедушной фигуре что-то забавное, глупое. Бред, конечно, но из головы параноическая мысль не желает вылетать, вцепилась кривыми когтями в сознание...

Смех здоровяка поддержал его спутник. О чём говорят? В темноте не видно даже, куда направлены их взгляды.

Стало страшно! Совсем страшно, словно эти двое уже вынимают из карманов ножи. Словно они уже заносят кулаки для ударов...

Я никогда не дрался. Изредка меня били, в редких ситуациях я даже отмахивался наотмашь, но в настоящей драке не участвовал ни разу. Если сейчас эти двое нападут, мне не поздоровится! Здоровяка вполне хватит, чтобы отметелить меня. Чего уж там, его более сублингвального товарища может хватить с избытком...

Пара идёт чётко по середине тротуара, так что мне пришлось спешно переместиться в сторону, прижавшись к зданиям. Расстояние стремительно сокращается... Я ещё сильнее втянул голову в плечи и ссутулился.

Сейчас я чувствую себя кроликом, мимо которого ползут два толстых удава. Мне, как маленькому беззащитному млекопитающему, остаётся лишь сократить до минимума свои движения, надеясь, что глаза рептилий не среагируют на неподвижный объект. Надежда одна – не заметят...

Не двигаться особо, не дышать и не топать слишком громко. Вероятно, мне даже удалось сжать поры, дабы издавать как можно меньше запахов. Сейчас все хамелеоны мира должны мне завидовать!

Краем уха я улавливаю шаги парочки. Высокий и низкий приблизились, прошли совсем близко, опять рассмеялись и... начали удаляться. Просто прошли мимо, не уделив одинокому путнику ни капли внимания. Возможно, это вовсе не безбашенные хулиганы и выродки, за которых я их принял.

Сердце начало понемногу успокаиваться, но всё ещё боюсь обернуться и проследить за случайно встреченными людьми...

Пар изо рта стал вдруг гораздо гуще.

Позволить себе полностью расслабиться я смог только когда прошёл целый квартал.

Я оставил в покое ни в чём не повинного дриджа-бомжа, укротил внезапный порыв немотивированной агрессии. Небожитель, что застыл в вышине, распахнув пошире горящие огнями зёнки, всё видел. Он наградил за сдержанность и отвёл от меня неизвестных. Думаю, напади я на серого коротышку, мне не избежать расправы...

Рука рефлекторно рванула вверх, нырнула за голову, и я потёр затёкшую шею. Давно она меня беспокоит. Не помню ни дня, чтобы меня не беспокоил какой-то сустав, конечность или мышца. Вечно что-то в теле болит или зудит... И мне всё лень сходить к врачу – жду, когда само пройдёт.

Дурак. Ленивый дурак...

А вот уже и знакомый дворик. Три дома, шесть подъездов, лавочки, неработающий фонарный столб, голые косматые кусты. Я свернул с дорожки и прижался к стене, заняв свой наблюдательный пост в густой чернильной тени. Здесь меня никто не увидит, если не будет знать о моём присутствии. Да даже если и будет знать, шансы невелики...

Надеюсь, мой ненаглядный Гордон не решил сегодня выйти пораньше. Время, если я всё правильно рассчитал, должно быть то, что надо. Около половины одиннадцатого...

Возможно, ещё пара минут.

Я протёр очки краем рукава и принялся терпеливо ждать, когда неприметная дверь подъезда отворится, и мой любимый персонаж отправится по своим тёмным делам.

Тогда...

Двенадцать дней назад я неторопливо плёлся по улице Паприкстрабе, отчаявшись успеть до закрытия метро. Про себя клял на все лады друга.

Неожиданно на улицу из подворотни вынырнул крепко сложенный, невысокий мужчина в клетчатой куртке и такой же кепке. Он не обратил на меня ни малейшего внимания и быстрыми шагами двинулся той же дорогой, что и я.

Я глядел ему в спину и начал наращивать скорость, сам не знаю почему. Просто что-то заставило двигаться быстрее, чтобы не упустить внезапно появившегося человека. Он непрост, и мне это показалось абсолютно очевидным.

Пришлось забыть про позднее время, про метро, про друга, которому я помогал делать ремонт, про выкинутый недавно поплавков, про многое. Нечеловеческий интерес заставил моё сознание сфокусироваться на широкой спине неизвестного.

Я знаю, что просто идти за ним не получится: пришлось прятаться за столбами, за углами зданий, в тени. Я крался за крепышом незаметно, осторожно, чуть дыша. Мне удавалось держаться на максимально дальнем расстоянии от него, но и не отставать.

В тот день я узнал-таки тайну этого человека...

Сейчас...

В некоторых окнах горит свет. Я не знаю, где именно живёт Гордон Вульф, так что не могу определить, дома он или уже нет.

Надо просто следить за подъездом...

Тогда...

Двенадцать дней назад.

Неизвестный петлял по переулкам южного района больше часа. Он нередко просто ходил по кругу, срезал через почти незаметные проулки, часто просто застывал посреди улицы. Он много и часто оглядывался по сторонам, но я не дал себя обнаружить.

В эти секунды пришло понимание, что неизвестный опасен!

Холодно и страшно – зуб на зуб не попадает. Я не сдался, не ушёл. Глупо. Тогда я не понимал даже, зачем это делаю. Просто так должно быть.

Вскоре неизвестный подошёл к довольно крупному перекрёстку и застыл. Я застыл неподалёку, спрятавшись в подворотне. В свете луны я смог различить его двойной подбородок, крупный нос, ленивые маленькие глазки, в которых плескается дикий холод, сравнимый только с холодом шквальных ветров северного полюса. Из-под кепки вываливаются жидкие волосы. Мужчине чуть больше сорока.

Он ждал. Совсем не двигался и ждал.

Прошёл ещё один час – время близилось к часу ночи...

И тут у неизвестного исказилось лицо, в нём отразилась иррациональная ненависть! Спокойный, меланхоличный мужчина словно получил разряд тока прямо в мозг! Его дикие глаза

рванули в сторону, нацелились на неизвестную точку, в которую палились не моргая почти минуту.

Он рванул в сторону взгляда с завидной скоростью, заставив меня приложить максимум усилий, чтобы не потерять его в лабиринтах переулков, во тьме подворотен. Я буквально иду по лезвию, рискуя в любой момент стать обнаруженным.

Я считаю, что двигаюсь бесшумно и незаметно, но это не так! Когда я выплыл из-за угла, сразу увидел, как объект моего слежения крадётся к неизвестно как оказавшейся в проулке девушке. Тогда-то он и продемонстрировал мне своё мастерство двигаться быстро, ловко и тихо.

Ни я, ни девушка его не слышали. Сложно поверить, что это был человек.

Девушка выбрала странное время и место. В час ночи что-то подстегнуло её пойти покурить среди мусорных баков. Стоя спиной к неизвестному, она не могла увидеть приближающуюся смерть!

Да, он достал нож. Самый простой кухонный нож, большой и увесистый. Кусок стали выполз из внутреннего кармана куртки в абсолютной тишине, нарушаемой лишь тяжёлым дыханием обречённой.

Я мог её предупредить. Мог, но не стал, потому что не увидел в этом смысла...

В данном спектакле мне была отведена роль простого зрителя. Единственного зрителя.

Маньяк взял нож обратным хватом, прицелился и нанёс страшный удар! Только тогда я до конца понял всю опасность этого человека! Левая рука зажимает девушке рот, избегая контакта с угольком сигареты, захват фиксирует жертву... и тут нож со всей силы вонзается девушке в затылок!

На удивление мало крови... Пока ещё мало...

Застыв от ужаса за углом, я умудрился подумать о таких глупостях, как количество крови и тому подобное...

Лезвие пробило кость и поразило мозг. Острая сталь вошла в затылочную часть черепа проще, чем гвоздь в трухлявую доску! Этот человек оказался чудовищно силен!

Девушка попыталась отбиться, судорожно дёргаясь в адском захвате. Тщетность её усилий очевидна.

Я помню, как её сигарета вертелась в воздухе, чадя едким дымом, помню, как она упала на землю и продолжила тлеть. Я старался смотреть на обычную сигарету, а не на то, что вытворяет неизвестный!

А он чуть провернул страшный нож в ране, отчего девушка моментально скончалась и обмякла в лапах человекоподобного чудовища. Холодная расчётливость силача даже мерзостнее, чем способ убийства несчастной.

И было очень тихо: движения маньяка бесшумны, его жертва не смогла издать ни звука. Лишь череп дважды смачно хрустнул... Я до сих пор слышу этот звук, он всё ещё снится мне в кошмарах, после которых я просыпаюсь в холодном поту.

Убийца в себе уверен: даже не оглянулся по сторонам, когда закончил с несчастной. Он аккуратно уложил её на землю и печально посмотрел в её мёртвые глаза – ему было мало. Сам факт убийства этому ненормальному не доставляет ни малейшего удовлетворения. Он только начал...

Перехватив нож двумя руками, маньяк присел на колени, широко замахнулся и обрушил стальное лезвие на ещё тёплый труп девушки. Брызнула бордовая кровь, фонтаном взвившись над телом!

Мне было так жутко, что я постарался смотреть на яркий огонёк тлеющей сигареты. Я боялся сойти с ума, глядя на изуверства ненормального психа! Боялся элементарно не вытерпеть и завопить от дикого ужаса!

В коленях появилась слабость – я начал сползать по стене... К горлу подступил рвотных горький ком, уши на пару секунд заложило... Я нечеловеческими усилиями удержал себя в руках и не выдал своё присутствие...

Перед глазами разворачивается нечеловеческое зрелище...

Убийца продолжил кромсать труп: нож вонзается девушке между рёбер, ненормальный прямо отрезает от неё куски. Человеческое мясо рваными кусочками отлетает в сторону. Чёртов ублюдок старается изрешетить девушке всю грудную клетку так, чтобы были видны рёбра...

Я уже больше не мог на это смотреть! Мозг больше не помогал управлять телом – я казался сам себе похожим на желе. Ценой огромных усилий я заставил себя вновь двигаться. Приходилось активно управлять каждым телодвижением, словно бы мне всего год, и я учусь ходить...

Не помню, каким именно богам я молился, чтобы не зашуметь. Этот выродок не станет со мной церемониться, если обнаружит. Остроты его ножа хватит и на двух людей.

Шаг за шагом я пятился: повернуться к маньяку спиной не решался. Бесшумный убийца не простит мне такой оплошности. В затылке даже стало холодно, когда я представил себя на месте жертвы психопата!

Стоило мне добраться до крупной улицы, как я развернулся и помчался! Хренов южный район! Целого зверинца уличных банд и наркоманов ему мало – подавай ещё грозных маньяков в клетчатых куртках и кепках! Надеюсь, что зараза, разносимая местными шлюхами скоро выкосит большую часть юга Данкелбурга!

Бежать пришлось немного. Я остановился возле круглосуточной забегаловки, в которой и решил перевести дух. Я сел за столик, огляделся, увидел телефон...

Приметы маньяка отпечатались в моём сознании, как клеймо на крупе коровы. Сейчас я могу описать простецкое толстое лицо этого существа в мельчайших подробностях! Надо поскорее звонить в полицию!

Тонкая телефонная трубка показалась мне удивительно скользкой или, быть может, даже своевольной: всё норовит вывалиться из рук. Сбитый с толку, я долго не мог вспомнить элементарный номер полиции. Наконец палец нырнул в нужное отверстие, я крутанул барабанчик, в аппарате сухо защёлкало...

Потом я замер, застыл, передумав звонить. В голове родился новый план! Я долго не мог с ним согласиться, долго сомневался, но всё же повесил трубку.

То, что я задумал, было, конечно же, сущим бредом, пренебрежением к законам, преступлением! Но мне необходимо было поступить именно так! Если всё получится, могут сбыться мои мечты! Всё может измениться в моей жизни!

Такой ценой? Ну и пусть... И морально, и физически я готов.

Заказав большую чашку кофе я стал ждать. Скоро кто-то вызовет полицию, но это буду не я...

Сейчас...

Около месяца тому назад в Данкелбурге случилось первое убийство. Труп человека в возрасте нашли неподалёку от площади Зюйдштеэ. Не знаю всех подробностей, но, судя по информации в прессе, убитого звали Орвел Уингон, он был мелким клерком в одном банке. Смерть настигла его в подворотне, куда несчастного, по всей видимости, затащили.

Его обнаружили поздно ночью: кто-то решил сходить выбросить мусор на ночь глядя. Бедолагу, обнаружившему тело, не позавидуешь: от увиденного его вырвало мгновенно. Отойдя от ужаса, парень вызвал полицейских.

Криминалистам пришлось разгонять плюющих вязкой слюной диких собак, которые пристроились к телу трапезничать. Косматых падальщиков разогнали свистками и выстрелами, только после чего медицинские эксперты смогли приступить к осмотру полу-обглоданного тела.

Лежащий в луже собственной крови человек был убит вовсе не собаками, судя по многочисленным страшным ранениям, нанесённым обыкновенным кухонным ножом. Наибольшее число ран в области груди. Здесь поработал сущий маньяк!

Одежда на убитом была распахнута. Изверг не просто изрезал его ножом, он раскромсал ему всю грудную клетку. Страшным ножом была частично срезана кожа и вырезаны целые куски плоти...

В конечном итоге, у трупа были видны почти все рёбра!

Полицейские не обнаружили никаких следов, словно убийца был бестелесным фантомом. Улик и зацепок не было.

Вскоре был найден второй труп, но уже значительно южнее, почти на самой окраине. Почерк тот же: у убитого освежёванная грудная клетка. На сей раз чертовски сильный маньяк расправился с молодой девушкой. Ей, в некотором роде, повезло больше – собаки не успели сбежаться на запах крови.

И снова у полицейских ничего...

Город начал погружаться в пучину страха. Страх перед сумасшедшим, неудержимым и неуловимым убийцей, убивающим без разбора.

Потом последовали новые убийства, затем ещё и ещё. Внимательные люди быстро уловили закономерность: маньяк потрошит людей строго раз в четыре дня. Строго раз в четыре дня он выходит на улицы со своим страшным ножом.

А у полиции всё нет и нет улик...

Этот тип осторожен, расчётлив и жутко умён.

За его манеру кромсать людям грудные клетки с нечеловеческой жестокостью, народ прозвал маньяка Решетом. Немного глупое прозвище приклеило к жуткому типу, это прозвище тут же взяли на вооружение газетчики.

О Решете писали преступно мало, поскольку информации не хватало. Полиция не жаловала журналистов, ограничиваясь скудным описанием произошедших преступлений. В детали никто не вдавался. К трупам людей старались не пускать.

А вот жители города любят следить за похождениями маньяка, газеты со статьями про Решето расходятся моментально. Людям плевать, что это действительно опасный выродок, способный убить абсолютно кого угодно. Людям кажется, что они смотрят фильм про маньяка.

Но это жестокая страшная жизнь.

В ту ночь, двенадцать дней назад, на счету Решета было уже пять трупов. А я был свидетелем очередного, шестого убийства. И я знал, как следует поступить.

Тогда...

Когда вторая чашка опустела, я слышал вдалеке истеричный вой сирен. Это точно полицейские! Оставив деньги на столе, я выбежал из забегаловки и обнаружил, как мимо пролетели две машины блюстителей порядка. Они остановились вдалеке точно у подворотни, где произошло убийство.

Я со всех ног рванул туда, на ходу извлекая блокнот и карандаш.

Мой расчёт оказался верным: первыми приехали рядовые сотрудники, чтобы в целом оценить ситуацию. Пока они не сообразили, что к чему, я протиснулся мимо них к трупу и стал записывать всё, что вижу.

Искалеченную девушку уже не узнать. Её сигарета давно погасла.

Я строчил и строчил в блокноте. Полицейские, конечно же, попытались прогнать пронырливого журналюгу, подоспевшему к месту преступления почти в то же время, что и стражи порядка, но я не собирался так просто уходить. Стоило кому-то оттеснить меня подальше, как я снова находил лазеечку. Удавалось даже выдавить из полицейских пару слов в комментарий к случившемуся.

Я работал карандашом, как сумасшедший!

Вскоре подъехала и экспертная группа, после чего порядок на месте преступления был наведён моментально: к трупам меня больше не подпускали. Мне, однако же, удалось выбить пару слов из помощника следователя, после чего я покинул это место.

Всё утро я провёл за печатной машинкой, набирая текст статьи, вводя красивые фразы, приукрашивая картину случившегося, расписывая в красках увиденное. Я работал так, как никогда ранее до этого...

Уснул я ближе к полудню прямо на стуле.

Во сне я видел Решето, жестоко кромсающего миссис Францельш. Вокруг валялось множество поплавков. И ещё вереницей летали Сомли.

Утром я отправился в издательство «Еженедельно актуально». Тогда был четверг – самый разгар подготовки нового номера. В коридорах много суетящихся, они всюду метаются по своим делам. Лифты переполненные, и мне пришлось тащиться на седьмой этаж пешком.

Я быстрым шагом направился точно в кабинет главного. Со штатными и нештатными сотрудниками работал всегда именно он. Именно мистер Арлес решает, какие статьи можно включить в очередной номер. Другим Бастиан это дело не доверяет...

Листы с текстом я нёс в сумке, которую всеми силами прижимал к себе: боялся, что её кто-то может выхватить, что кому-то захочется уничтожить плоды моего интеллектуального труда. Иррациональный страх не отпускал меня вплоть до самой двери кабинета мистера Арлеса.

Я встал перед дубовым лакированным прямоугольником, вздохнул, собрался, поправил скосившиеся очки и толкнул дверь. В приёмной меня встретила молодая секретарша Бастиана, которая попросила подождать. Сквозь стеклянную дверь в непосредственно кабинет главного редактора я увидел, что мистер Арлес переговаривает с кем-то из рекламодателей.

Пришлось сесть в приёмной и ждать.

Пришлось ждать очень долго...

Почти целых полчаса я тупо смотрел на картину перед собой. Крупное изображение в серебристой раме, висящее над головой секретарши, ранее оставалось мною незамеченным. На тёмно-сером фоне красуется контрастного белого цвета нимфа с вьющимися волосами. Её обнажённое тельце укрыто золотыми цветами, на лепестках которых застыли крупные капли росы.

За получасовое ожидание я успел в мельчайших деталях разглядеть картину. Цветы, лучи неизвестного света, девичьи руки и лицо нимфы. Спутанные локоны сказочного создания красиво обрамляют черты лица. Я так долго глядел на нимфу, что она, в конце концов, стала казаться мне похожей на Еву.

А ведь Ева ушла от меня не так давно, всего четыре месяца назад. А мне кажется, что уже прошли годы.

Видно, сказалось то одиночество, что сопровождает меня все эти четыре месяца...

Я больше не хочу смотреть на картину. Я, возможно, больше не буду даже оборачивать на неё голову, когда пойду к мистеру Арлесу.

Пересчитал листы, принесённые с собой – все они у меня в сумке, ни один не потерялся. В голове творится бог знает что, ведь я даже не знаю, как отреагирует на мою статью мистер

Арлес. Это же ведь не глупое описание организаций дриджев... Я написал что-то стоящее. Он обязан оценить.

Снова себя накручиваю! Снова разрушаю мозг глупыми рассуждениями о вероятности того или иного исхода событий! Материал у меня в сумке, я войду с ним в кабинет и предложу главному, а он уже решит, стоит ли вставлять статью в номер... От того, что я тут буду сидеть и без конца думать об этом, ровным счётом ничего не изменится!

Мне надо как-то отвлечься! Сам не знаю почему, но я вдруг ляпнул:

– А сколько здесь уже висит эта картина?

Секретарша опешила, насторожилась. Я задал вопрос достаточно неожиданно, да и сам он предсказуемостью не выделяется.

Недоумённо хлопая длинными ресницами, она переспросила:

– Вы о чём?

– О картине у Вас за спиной, – я ткнул пальцем в серо-белое полотно, – Сколько она здесь висит?

Девушка обернулась и проследила за направлением моего пальца. Пару секунд она смотрела на картину, которую, казалось бы, тоже увидела впервые. Она пожала плечами и неуверенно ответила:

– Я здесь два года работаю – всё это время она здесь висит.

Секретарша посмотрела мне точно в глаза – по её мимике я прочитал вопрос «Зачем Вы спрашиваете?» Но она его так и не озвучила. Девушка опустила голову и занялась работой. Делать ей нечего, как разговаривать со странными людьми.

Я пригладил топорщащиеся патлы, посчитав в ту секунду, что всё дело в них. Однако же вовсе не они причина нежелания людей общаться со мной. Всё гораздо проще: я веду себя достаточно глупо...

А оторвать своё необъяснимое внимание от картины почему-то не получалось...

Я прождал ещё ровно восемнадцать минут.

Рекламодатель в дорогой костюме и с удушающим мужским парфюмом ушёл, позволив мне прошмыгнуть к мистеру Арлесу. Он сидел в своём кресле, поглощённый самыми разными мыслями, и совсем меня не замечал. Его толстый нос мелко подрагивал. Дурной знак. Обычно, когда мистер Арлес так подрагивает носом, то он крайне утомлён, раздражён и не желает никого видеть.

Мне нельзя отступать! Сейчас надо на свой страх и риск идти до конца.

Я прикрыл за собой прозрачную дверь – Бастиан никак не отреагировал. Пришлось привлечь его внимание словами:

– Доброе утро, мистер Арлес, – робко прозвучало из моих уст.

Главный редактор только сейчас заметил меня и обвёл оценивающим взглядом. В его маленьких глазках плескалось ленивое пренебрежение, перекрученное с лёгким раздражением. Бастиан Арлес глянул в окно – я и не заметил, как начался сильнейший ливень, и по стеклу колотят тугие струи.

Наглядевшись на дождь, мистер Арлес подкатился на кресле к окну и опустил жалюзи.

– Странное у Вас представление о добром утре...

В тот день он начал издеваться надо мною ещё даже не взяв в руки моей статьи. Явно, что настроение у него не очень. Какой-то случай, связанный либо с работой, либо с личной жизнью Бастиана, вывел его.

Довольно не вовремя. Будет так несправедливо, если мои труды попадут в мусорную корзину только из-за настроения редактора.

– Что Вы хотели, Мистер Чатлер? – уже раздражённое бросил Бастиан.

Я помню, что вздрогнул тогда от неожиданности и начал судорожно доставать из сумки немного помявшиеся листы. Я подошёл к столу и протянул их главному – дыхание сбилось, словно я пробежал целый километр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.